

© 2010 г.

Александр Рошка

академик АН Молдовы, доктор философских наук
главный научный сотрудник Института европейской интеграции и политических наук Академии наук Молдовы
(e-mail: rosca.md@gmail.com)

СВОБОДА, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

В статье предпринята попытка комплексного анализа проблем, касающихся свободы, социализации и безопасности личности в условиях модернизирующегося общества, выявлено соотношение этих явлений, очерчены их границы, обращено внимание на необходимость преодоления крайностей в трактовке взаимоотношений между личностью и обществом, личной и общественной жизнью.

Ключевые слова: индивид, общество, свобода личности, социализация личности, противопоставление общества и индивида, примат общества над индивидом, крайний коллективизм, примат индивида над обществом, крайний индивидуализм, взаимодействие общества и личности, границы свободы, границы социализации, личная жизнь, публичная жизнь, общественное пространство, безопасность индивида.

В специализированной литературе немало проблем рассматривается, как правило, разобщенно и с узких позиций. Ведомые желанием как можно глубже проникнуть в суть социальных явлений и более детально их осветить, исследователи порой упускают связи между ними, анализируют их изолированно, вне их взаимодействия. Имеется множество работ, исследующих такие темы, как свобода, равенство, социальная справедливость, однако гораздо меньше трудов посвящено выявлению взаимосвязей этих фундаментальных для современного мира ценностей. В ещё меньшей степени исследована взаимосвязь между свободой, социализацией и безопасностью индивида, несмотря на бесспорную актуальность и важность этой проблемы для всех современных обществ, в особенности для обществ переходного периода. Ниже мы рассмотрим, как эти понятия и явления соотносятся между собой, в какой мере и при каких обстоятельствах они взаимодействуют или же, напротив, взаимоисключают друг друга.

За последние триста-четыре года западная культура и цивилизация были и остаются под сильным влиянием идей свободы индивида, его приоритета над коллективом и государством. Как подчеркивается сто-

ронниками западного (в особенности американского) образа жизни, все экономические и научно-технические достижения этой части света, явно превосходящие достижения других цивилизаций, были достигнуты в конечном счёте благодаря свободе индивида действовать в соответствии со своим интересами и целями, т.е. без лишних ограничений и вмешательств извне.

Мы не будем пытаться оспорить эти положения, вытекающие из социально-философской и политической доктрины либерализма. Известно, что в период борьбы буржуазии против феодализма и абсолютистской монархии свобода человека мыслилась как его эмансипация от классовых, расовых, половых, этнических ограждений и религиозных предрассудков, как преодоление ограничений, навязываемых корпоративистскими соображениями и не в последнюю очередь как свобода частного предпринимателя преследовать свои цели в условиях свободной конкуренции. Проследивая исторический процесс эмансипации человека, исследователи отмечают, что первобытное общество не предоставляло индивиду никаких личных свобод. Здесь человек был тесно привязан к своему обществу, зависел от него во всех проявлениях своей жизни. В древнем мире жизнь индивида в большей мере была подчинена общим политическим интересам полиса.

Согласно выводам Бенжамена Константа, Фюстеля де Кулланже и других известных социологов и политологов, полис навязывал своим обитателям ряд строгих и обременительных ритуалов, систему коллективных требований, которые не смог бы вынести ни один современный человек¹. В Древней Греции человек существовал в основном посредством государства и для государства, значимость общественной жизни выдвигалась на передний план по сравнению с другими уровнями человеческого существования. Государственные императивы преобладали решительным образом над личностными чаяниями, частная сфера еще не достаточно чётко отделялась от общественной. Для Древнего Мира была также характерна довольно сильная зависимость индивида от семьи. В этом смысле показателен пример Юлия Цезаря, достигшего вершины славы не только благодаря своим выдающимся качествам, но и помощи со стороны семьи.

Со временем начинаются процессы обособления индивида от полиса и постепенного отдаления от проблем общества как целого. Результаты этих процессов были противоречивы: с одной стороны, индивид освободился от прямых обязанностей и предписаний, идущих от общества; с

¹ См.: Baudouin I. *Introducere în sociologia politică*. – Timișoara, Editura Amarcord. – 1999. P. 128.

другой же стороны он стал более подвержен групповым и классовым ограничениям.

Ссылаясь на ранний феодализм, Н. Бердяев подчеркнул, что тогда человек жил в условиях корпорации, в некоем целом, в котором он не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью целого, с которым чувствовал связанной свою судьбу. Это положение вещей прекращает существовать в период современной истории¹.

Либеральные теории о «self made man» (человеке, который творит самого себя) были развиты и внедрены в новые времена, в эпоху укоренения капитализма. Данный тип человека, спроектированный либеральным мышлением, выкованный механизмами и отношениями рыночной экономики, был провозглашен творцом своей судьбы, полностью ответственным за свою жизнь. Как феномен нового времени, «self made man» менее стеснен социальными обстоятельствами и располагает большей свободой для проявления своего «я». В литературе отмечается, что индивидуализация человека это не что иное, как существенное ослабление его зависимости от определенной социальной среды и социальной группы, от других внешних или общественных детерминантов. Индивидуализация означает больший уровень автономии индивида, его свободы².

Признавая роль индивида в качестве краеугольного камня современной европейской цивилизации, важно всё-таки учитывать, что свобода выбора и преследования собственных интересов не безгранична и не безусловна. Автономизация и индивидуализация человека активно содействуют человеческому и социальному развитию лишь в случае соблюдения разумных границ этих двух ценностей. Как бы ни дорожил человек своей независимостью, люди нуждаются друг в друге для осуществления собственных целей, учитывая при этом и общественные интересы, которые также представляют неоспоримую реальность. Освобождение индивида от групповых, классовых, кастовых уз, от устаревших норм и традиций, равно как и от тотального подчинения государству, не означает исчезновение общества из его жизни, полный разрыв связей с окружающими, социальными институтами, общественными ценностями.

При всех свободах, завоеванных личностью за долгий исторический период, остается довольно широкое социальное пространство, за пределы которого человек не может выйти без ущерба для своего развития. Поэтому существует много проблем, которые можно решить коллективно, преследуя при этом прежде всего общественный интерес.

¹ См.: Бердяев Н. Смысл истории. - М., 1990. С.125.

² См.: Дилигенский Г. // Вопросы философии. 1990, №12. С.39.

Этот ракурс вопроса требует более пристального рассмотрения, так как он открывает важную методологическую перспективу, направленную на предотвращение двух крайностей, которые искажают отношения между индивидом и обществом, между свободой и социализацией в современных условиях. Одна крайность – безусловный примат общества перед индивидом, преобладание публичной жизни над частной, что сопряжено с подавлением личных инициатив, ограничением самостоятельных действий человека. Другая крайность – радикальный индивидуализм, сопровождаемый увеличением хрупкости общественного устройства, ослаблением человеческой солидарности и т.д., что значительно снижает качество жизни, уверенность в завтрашнем дне и угрожает безопасности каждого.

Эти две крайности, характерные для социальных практик различных времен, включая наши дни, являются результатом материализации двух абсолютно противоположных теоретических подходов, касающихся взаимосвязи индивида и общества.

Первый из этих подходов, основанный на социал-философских доктринах либерального происхождения, отталкивается от того, что реально существует только индивид и что только он может быть познан, что только личности, а не общество, творят историю, что общество не способно сыграть активную, созидательную роль в человеческих делах. Согласно этим толкованиям, качества индивидов определяют качество общества, т.е. то, что представляет из себя общество, зависит от того, что из себя представляют составляющие его люди. Эту точку зрения можно обнаружить, в частности, у Герберта Спенсера: «Характер агрегата определяется характером составляющих его частей... Если известна природа элементов, природа агрегата, которые они составляют, определена заранее»¹. Можно в этом смысле сослаться и на современных исследователей: «Качество общества, – подчеркивает К. Гаджиев, – зависит от качества составляющих его личностей, налагающих печать своей воли, своих устремлений, нравственных ориентиров на формы общественной жизни»².

Второй подход отталкивается от диаметрально противоположной идеи, согласно которой реальным и решающим является только общество, только оно составляет нечто цельное и понятное, а индивид выступает лишь как часть целого, от которого он полностью зависит, и который вне социальной системы не может быть понятным и т.д. Из этих идей вытекает, что люди являются пассивной проекцией общества, к которому они принадлежат.

¹ Спенсер Г. Изучение социологии. -М., 1899. С.28.

² Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // Международная экономика и международные отношения. 1991, №9. С.7.

Согласно первой парадигме, векторы направлены исключительно от индивида к обществу, последнее не имеет над первыми никакого реального воздействия. Будучи понятым как пустая абстракция, общество не имеет никаких обязательств и никакой ответственности перед автономными индивидами. Оно, по сути, является своего рода «нейтральной территорией», внутри которой индивиды свободно передвигаются и действуют согласно своим интересам. Отсюда логически следует, что общество это чисто символическое понятие (т.е. общество как данность не существует), что у индивида нет социальной детерминации, что социальность не является существенной человеческой чертой, что социализация бессмысленна, что моральное обновление людей, изменение их ментальности – первостепенное, решающее условие изменения качества их жизни. Этот подход ведет на практике к утверждению и распространению чрезмерного индивидуализма, к постепенному разрушению, распаду общества.

Согласно второй парадигме, векторы направлены исключительно от общества к индивидам, в силу чего последние рассматриваются как механические слепки, снятые с социальных структур, учреждений и норм. Данный метод провозглашает примат общества над индивидом, и тем самым преувеличивает роль социального детерминизма во всем, что касается жизни и поведения человека. Он способствует деперсонализации социальной жизни и исторического процесса, стимулирует необходимость изменения общества как условие трансформации индивидов, и даже создания нового человека, освобожденного от недостатков, унаследованных от предыдущих социальных систем. Этот подход ведет к увязанию человека в трясине чрезмерного коллективизма.

Оба этих подхода и толкования, касающиеся взаимоотношений между индивидом и обществом, выявлены на основе обширного библиографического материала, изученного и систематизированного нами на протяжении длительного периода времени. Это позволяет нам сделать вывод, что данные подходы являются в одинаковой мере односторонними, а потому не могут ни генерировать плодотворные идеи, ни предоставлять удовлетворительные практические решения для более приемлемого социального устройства. Каждая из проанализированных выше парадигм по-своему искажает истинное отношение в системе «личность – общество» (первая стремится утвердить примат индивида над обществом, а вторая – примат общества индивидом), деформирует социальную архитектуру, место и роль человека в обществе, извращает детерминизм, представляющий ключевое понятие в изучении проблем общества и личности, её свободы.

Карл Маркс был первым, кто диалектически подошел к толкованию дихотомии «индивид – общество», преодолев односторонность, которая

довлела над нею в разные периоды времени и которая жива и до сих пор. Сущность диалектической связи между индивидом и обществом была выражена Марксом следующим образом: как само общество производит человека как человека, так и человек производит общество.¹ Эта концепция приобрела широкое распространение, находя свое выражение в различных формулировках у разных авторов:

- жизнь каждого зависит как от того, какова его личность, так и от того, каков мир, в котором он живет (Ортега-и-Гассет)²;
- индивид живет в обществе, но и общество живет в индивиде; он продукт общества, но в то же время – его творец (Д. Густ)³;
- не только история создает людей, одновременно люди творят историю (Э. Фромм)⁴;
- индивидууму приходится соответствовать тому образу жизни, который коренится в системе производства и распределения, свойственной каждому данному обществу⁵. Но человек ... в свою очередь сам становится активной силой, воздействующей на процесс общественного развития (Э. Фромм)⁶.

Диалектическое понимание связи между обществом и индивидом подразумевает их взаимодействие, взаимовлияние. Человек становится Человеком лишь в обществе, а последнее – не что иное, как особый вид связей между людьми. Общество, справедливо отмечал Маркс, состоит не из изолированных людей, а из суммы связей и отношений, в которых они находятся⁷. Этот тезис можно найти и у более современных мыслителей. Так, британский ученый и дипломат с мировым именем Арнольд Тойнби (1889–1975) обращал внимание на то, что общество не механическое собрание индивидов, а особый вид отношений между людьми как явлениями частными, индивидуальными, но в то же время и социальными в том смысле, что они не могут существовать вне общественных связей⁸.

Теоретические интерпретации отношений между индивидом и обществом не остаются только на бумаге, они находят широкий выход в практику. Как результат утвердились в общем две различные модели социальной организации: индивидуалистическая и коллективистская, осно-

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.42. С. 118.

² См.: Ортега и Гассет Х. Что такое философия? – М., Наука, 1991, С. 171.

³ Gusti D. Opere, IV.- București, 1970, P. 66.

⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Минск, 2000, С. 28.

⁵ Там же, С. 29.

⁶ Там же.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.46, ч.I. С. 214.

⁸ Тойнби А. Постигание истории.- М., 1991. С. 252.

ванные на противоположных принципах существования и поведения человека.

Крайний индивидуализм появился постепенно, как следствие чрезмерного внедрения в сознание людей определенных идеологических постулатов либерального толка, а также по мере претворения в практике норм свойственных свободной рыночной экономике и рыночным отношениям. Первоначальному индивидуализму, питаемому просветительскими идеями и ориентированному на освобождение человека от многочисленных уз, не было суждено остаться в его разумных границах. Он эволюционировал к менее приемлемым формам с точки зрения фундаментальных требований человеческого общежития. В силу определенных исторических обстоятельств индивидуализм получил наиболее широкое распространение в англо-саксонских странах. Известный финансист и сторонник так называемого открытого общества Джордж Сорос подчеркивает, что самые преданные системе свободного экономического рынка правительства – американское и английское¹. В последних двух своих мандатах лейбористы несколько изменили ориентацию в этом вопросе, однако либеральная традиция в Великобритании осталась незыблемой.

Идеологи коллективистских обществ советского типа исходили из того, что общественные интересы являются приоритетными по сравнению с групповыми и индивидуальными, что коллектив выступает средой, в которой индивид приобретает подлинную свободу, а труд на всеобщее благо представляет собой условие для благополучия каждого.

В разных соотношениях индивидуализм и коллективизм проявляются ныне во всех обществах с той лишь разницей, что в одних преобладает одно, в других – другое, а в третьих существуют предпосылки для их уравнивания путем целенаправленных социальных урегулирований. Подчеркиваем, что речь может идти только о сбалансировании сторон антиномии «индивидуализм–коллективизм», а не о полном устранении одной или другой составляющей. В современном обществе, после длительного исторического процесса выделения (относительного, конечно) человека из целого, с одной стороны, и существенного усложнения всей совокупности общественных связей, с другой стороны, ни индивидуализм, ни коллективизм не могут быть тотальными, всеохватывающими, выступать в чистом виде. В поведении каждого современного человека проявляется в том или ином соотношении и одно и другое начало. Антиномия «индивидуализм–коллективизм» непреодолима в принципе, ибо индивид не может полностью отделяться от общества, как не может он и

¹ См.: Soros G. Pentru o transformare a sistemului sovietic. + București, Humanitas, 1991. P. 137.

принадлежать целиком обществу, раствориться в нем. То есть, в современном цивилизованном и демократическом, свободном мире человек «обречен» быть в определенной мере и индивидуалистом, и коллективистом. Однако чрезмерный уклон в одну или другую сторону чреват для человека негативными последствиями. Как растворенный в обществе, так и отрешенный от всяких общественных связей человек теряет свою индивидуальность. В первом случае потому, что он становится массовым, безликим, а во втором – потому, что свое «я» он не может проявить иначе как в совместной деятельности и в сравнении с другими социальными субъектами.

Крайний индивидуализм рассматривает человека самого по себе, т.е. в отрыве от всякого социального окружения, а крайний коллективизм вообще не видит человека как такового, с его экзистенциальными проблемами, а видит только общество. Задача, которая встает в связи с накопленным теоретическим знанием и практическим опытом, состоит в том, чтобы переходить от обособленного существования и полярного противостояния этих парадигматических моделей к их конвергенции, поиску путей утверждения социального устройства, основанного на гармоничном взаимоотношении индивида и общества.

Проблема отношения между индивидом и обществом, с её производными, касающимися свободы, социализации и безопасности человека, приобретает сегодня новые измерения. Интенсивное распространение сверхиндивидуалистических концепций человека привело некоторых исследователей, а также политических деятелей к заключению, что общества как такового не существует вообще. В этом смысле примечательно и высказывание Маргарет Тэтчер (на которое ссылаются и другие авторы) о том, что не существует такой вещи, как общество, существуют только индивидуальные мужчины, женщины и их семьи.¹

Однако ирония судьбы заключается в том, что индивидуалистическая концепция человека и его свободы ведет на практике и к отрицанию семьи, считавшейся до сих пор основной ячейкой общества. Ныне, якобы, такой ячейкой становится сам индивид. «Преобразование индивида в основную ячейку общества, – отмечает французский социолог Жан Башлер, – по меньшей мере, как тенденция, является одной из самых поразительных оригинальных черт современной западной действительности»². Провоци-

¹ О концепциях некоторых социологов, отрицающих существование общества, см.: Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности// Социологические исследования, 2005, №1. С.18-25.

² Baecheler J. Grupurile și sociabilitatea // Tratat de sociologie. Sub coordonarea lui Raymond Boudon.-Humanitas, București, 1997. P.68.

руемый теориями и практикой либерализма, индивид стремится освободиться и от семьи, как от самой маленькой социальной группы. Это также свидетельствует об углублении кризиса семьи, переживаемого западной цивилизацией и распространяющегося и на другие части света. Возрастающий антифамилизм, характерный для обоих полов, представляет собой форму проявления крайнего эгоизма и индивидуализма, чреватые весьма негативными последствиями для нормального развития общества и человека. Западная цивилизация имеет в плане социальной солидарности и семейных отношений серьезные изъяны и ей, возможно, будет сложно возражать другим цивилизациям, основанным на других принципах. Всему есть предел, переход за которым круто меняет положение вещей.

Хотя брак заключают на основе личных соображений, он порождает семью, выполняющую определенные, присущие только ей, функции, среди которых особо важными являются воспитание детей и уход за престарелыми. Семье принадлежит первостепенная роль в социализации подрастающего поколения, посредством неё становящаяся личность приобретает первые навыки общения и общежития. Общество, будучи единым целым, чьи элементы интегрированы в систему органичных взаимодействий, не может не понести ущерб, если какой-нибудь из этих элементов оказывается несостоятельным. Семья как раз и есть базовый элемент общества, она обеспечивает первоначальное включение индивида в общество, здесь у него более эффективно формируется самосознание. Поэтому распад семьи как социального института не может не нанести вреда обществу и самому человеку.

Таким образом, эволюция положения вещей в интересующем нас вопросе шла от полного подчинения индивида группе, роду, корпорации, государству – к его автономизации, выделению из целого, а дальше может привести к отчуждению, одиночеству и заброшенности, что угнетает и разрушает человеческую природу не в меньшей мере, чем внешние притеснения, которым она подвергалась в предыдущих эпохах, а во многих регионах мира подвергается и поныне.

Вопрос, который возникает в связи с вышеизложенным заключается в следующем: возможны ли в принципе такие формы социальной организации, которые способствовали сочетанию в реальной практике индивидуализма и коллективизма как способ существования человека в мире людей? Думается, что если отбросить в сторону устоявшиеся в прошлом стереотипы мышления, односторонние точки зрения, узкогрупповые интересы, то проблема оптимизации индивидуального и межчеловеческого, общего бытия сможет оказаться не столь уж сложной для положительного решения.

От того, как будет понято соотношение «индивид – общество» зависит в общих чертах характер социальной политики конкретного государства, а также поведение его граждан. По нашему мнению, выбор человечества не ограничен навек антиномией «индивидуализм – коллективизм»: или свобода – или социализация, или свобода – или безопасность индивида. Однако до сих пор способ корреляции этих феноменов остается жестким, скудным и непреклонным. В концептуальном плане утвердилось и бытует мнение, согласно которому, необходимо выбирать только одну из частей каждой дихотомии, а другая часть безоговорочно отклоняется. В зависимости от сделанного выбора разграничиваются и дистанцируются между собой различные мировоззренческие течения с противоположными идеологическими установками.

Человечество, которое до сих пор, особенно в XX веке, склонялось к крайностям, должно сосредоточиться на поиске средних путей развития. Это относится ко всем кардинальным проблемам современности, решение которых требует преодоления дилемм типа «или – или», доведенных порой политиками до пароксизма. Можно полагать, что включение противоположных явлений в более емкие и комплексные ментальные схемы представит и более приемлемые способы теоретического и практического решения возникающих социальных проблем.

Для затронутых здесь вопросов продуктивной может стать идея, что противоположность между индивидом и обществом, индивидуализмом и коллективизмом, свободой и социализацией, свободой и безопасностью человека не может быть преодолена, как сказано выше, устранением того или другого элемента указанных антиномий.

Человек как социальная данность, со своим индивидуальным существованием не является антиподом общества и не угрожает последнему. Равным образом и стремление утвердить в жизненной практике общественное начало, человеческую солидарность и обеспечить личную безопасность каждого не ущемляет индивидуальную свободу личности. Речь естественно может идти только об определенной мере этих вещей, несоблюдение которой нарушает нормальную корреляцию между ними.

Существует логическая взаимосвязь и взаимозависимость между понятиями свобода и социализация. По определению, социализация не является преградой для свободы человека, не ущемляет его приватную жизнь и, следовательно, не означает подавление личности обществом.

Человек, живя в обществе, не может быть полностью свободным от него. Более того, он может обрести свободу только в обществе, которое объективно выдвигает перед ним определенные условия и нормы общежития, а с другой стороны, оно должно предоставить ему реальные возможности для более полной самореализации. Эти общие положения

представляют собой отправные точки в раскрытии содержания понятий социализации и безопасности, рассматриваемые здесь с точки зрения их соотношения со свободой индивида.

Является общепринятым понимание социализации как процесса культивирования в человеке качеств, ценностей, поведенческих норм, ожидаемых от него обществом, и позволяющие ему взаимодействовать с другими людьми в различных сферах общественной жизни. Процесс социализации не ограничивается периодом детства и юности, он продолжается в течение всей жизни человека. Индивид считается социализированным, когда он обладает свойствами, необходимыми для участия в делах, выходящих за пределы его сугубо личных интересов. Если через деятельность по культивированию в индивиде определенных норм и ценностей проявляется влияние общества на человека, то через усилия последнего расширить, разнообразить и углубить свои взаимоотношения с близкими и более отдаленным окружением проявляется его влияние на общество. В таком понимании социализация не противоречит свободе, а обуславливает её, содействует ей. Проблема личной свободы возникает только в процессе взаимодействия индивида с общественной средой. Слабосоциализированный человек менее свободен в выборе альтернатив для своего положительного проявления. При равных объективных условиях более свободен в своих действиях тот, кто обладает большим социальным опытом, накопленным в процессе социализации.

В нормальном обществе участие человека в коллективных действиях не означает ущемление его личной свободы и уж тем более не предполагает отречения от самого себя, а есть способ достижения, прежде всего, собственных целей, условие позитивного самоутверждения, обустройства личной и коммунитарной жизни. Только перманентное навязывание извне требования участвовать в общественных делах, соблюдать усредненные и шаблонизированные стандарты жизни и «не высовываться» из общей массы ограничивает, сковывает личную свободу человека, сокращает существенно возможности его самоутверждения. Мы не разделяем точку зрения, что преданность общему делу противоречит осуществлению личного интереса, и наоборот. Общественный и личный интересы не являются абсолютными понятиями, ни одно из них не существует в чистом виде, а каждое содержит что-то из другого. Преследование человеком собственного интереса не всегда является сугубо личным делом. Действия, ориентированные на реализацию личных целей, косвенно могут удовлетворять и общественные потребности. С другой стороны, было бы глубоким заблуждением считать, что наличие общих целей, общенациональных интересов является выдумкой изживших себя идеологов.

В общем-то, социализация означает интериоризацию индивидуумом отношений, принципов, норм и ценностей, объективированных в конкретном обществе. Социализация не только облегчает интеграцию индивида в общество, но ставит перед ним и определенные ограничения, препятствующие его антисоциальным, эгоистическим порывам, что ни в коем случае не означает подавление личной свободы. Нормальная социализация, осуществляемая без излишнего усердия, естественным образом сопровождается утверждением свободы человека. Только крайние формы социализации и свободы являются антагонистическими, а в их разумных пределах данные явления взаимодополняют друг друга, перетекают одно в другое. Социализация предполагает адаптацию человека к нормам коллективной жизни, а попытки игнорирования этих норм не приводят к подлинной свободе. Либерализм возник для того, чтобы положить конец безусловному примату общественной жизни над жизнью индивидуальной, однако в этом своем демарше он ныне тяготеет к разрушению (уничтожению) социального как системы взаимодействий между людьми.

Конечно, социализация не является единственным условием, обеспечивающим оптимальное взаимоотношение между личным и общественным. Важнейшую роль в этом смысле играет социально-экономическая модель, способная обеспечить нормальное сочетание конкуренции и сотрудничества.

От степени социализации индивидуума зависят его коммуникативные способности, совокупность отношений, которые он в состоянии поддерживать с другими социальными агентами. Эффективное включение человека в систему социальных взаимодействий предполагает следование правилам игры, установленным в данном социальном пространстве, открытым не только для сотрудничества, но и для разного рода столкновений с другими субъектами. Условием, содействующим такому включению (но без утраты индивидуальности и возможности реализации собственных интересов), является адекватная правовая основа, защищающая в равной мере как частную, так и общественную жизнь.

Как любое другое социальное явление социализация носит отпечаток конкретного исторического времени. Характерной особенностью нашего времени представляет ускоренная фрагментация и диверсификация общества. Это приводит к тому, что современный человек вовлечен в различные виды деятельности, действует в различных ситуациях и в силу этого должен быть готов постоянно проявить себя в разных ипостасях. Диверсификация социального пространства расширяет формальные возможности выбора между различными вариантами, но в то же время усложняет социализацию, делая этот процесс более трудным и с наибольшими рисками инадаптации. Сегодня еще более актуальны слова извест-

ного персонажа из романа Достоевского «Братья Карамазовы» о том, что люди больше всего боятся свободы выбора, состояния покинутости, в котором должны сами в потемках найти свою дорогу. Однако отсюда не вытекает, что более предпочтительной является обратная сторона медали, т.е. принуждение, как способ направления людей на «правильный путь», намеченный для всех органами публичного управления, решающими судьбу каждого. Эффективная эмансипация человека предполагает соответствующую социализацию его, т.е. функциональный синтез индивидуального и социального. В условиях современной западной культуры и цивилизации индивид обладает широкой свободой выбора. Однако в то же время эта культура и эта цивилизация объективно требуют подчинения человека определенному порядку, что может быть достигнуто только путем соответствующей социализации.

Одним из результатов социализации человека выступает способность идентифицировать себя в качестве члена своей семьи, а затем и более широких социальных групп: демографических, этнических, сословных, профессиональных. Поскольку частная жизнь, даже в условиях самых продвинутых ныне либеральных стран, не является строго разграниченной от общественной, то и свобода не представляет собой проблему сугубо индивидуальную. Главное, а может даже решающее, что обеспечивает свободу человека и, тем более, его безопасность, содержится в природе общественного устройства. Социальная среда, включающая совокупность различных взаимодействующих институтов, норм права и морали представляет собой наиндивидуальную реальность, которая, в зависимости от своих объективных характеристик, может способствовать или препятствовать проявлению свободы как ценности, имеющей для человека фундаментальное значение. Именно на этом наиндивидуальном уровне принимаются решения и вырабатываются социальные технологии, обеспечивающие свободное развитие людей, или наоборот, ограничивающие свободу большинства.

Освобождение человека от жестких групповых, классовых, расовых и других зависимостей не означает полный разрыв отношений с этими общностями. Связь индивидуума с обществом в целом продолжает оставаться, в той или иной мере, опосредованной социально-демографической группой, к которой он принадлежит. Эта принадлежность довольно динамична, причиной тому – возрастная и социально-профессиональная мобильность людей. Но при всем этом, в каждый данный период своей жизни человек находится в объективно обусловленных связях с людьми, близкими ему по социальному статусу, возрастному и профессиональному признакам.

Стало быть, в систему социальных взаимодействий человек интегрируется, прежде всего, через первичные группы (семья, друзья, школьные, студенческие и трудовые коллективы), а также и через более крупные объединения (нации, конфессии, классы, партии, и др.), которые оказывают влияние на формирование его ценностных ориентаций, социального облика в целом. И хотя это опосредование не является строго регламентированным процессом, все же оно существует и проявляется в различных формах и на различных этапах становления личности человека.

Однако данная точка зрения относительно социализации и роли первичных и иных социальных групп в её реализации не является единственной. В западной литературе встречаются и противоположные мнения на сей счёт, в частности о том, что человек включается в общество напрямую, т.е. без каких-либо опосредованных структур. Как известно, некоторые индивидуалистические и экзистенциалистские подходы и интерпретации ведут ещё дальше, доказывая, что сегодня человек стремится свести свои взаимоотношения с социокультурной средой только к взаимоотношениям «Я» и «Ты». Нам представляется, что сужение сферы человеческих взаимодействий до подобных пределов равнозначно исчезновению общества как такового. Ведь общество не представляет собой механического скопления на определенной территории большого числа людей, каждый из которых произвольно выбирает все свои отношения с себе подобными.

Современное общество функционирует как сложная и многоуровневая система взаимодействующих сфер, структур, организаций, институтов, коллективных и индивидуальных субъектов. Если упразднить эту систему до уровня, где взаимодействуют лишь индивидуальные субъекты, причем только в формате «Я – Ты», общество фактически исчезает. Наметившийся ныне антропологический ренессанс стремится вырвать человека из контекста общественной жизни, превратить его в главный предмет исследования, игнорируя тем самым общество как систему взаимодействия людей, как данность. Умаление роли общества в судьбах людей противостоит человеческой солидарности, т.е. способствует самоизоляции и инкапсуляции индивида, росту стремления к потребительству, гедонизму, порождает индифферентизм и т.д.

Биологизаторские подходы также трактуют человека как существо изначально заточенное в своей скорлупе и живущее исключительно само по себе. Показательно в этом смысле следующее высказывание: «Человек рождается не в коллективе, он формируется в чреве матери, как особь законченная, и должен осуществить себя в жизни – в труде, в любви, в

чем угодно, в безумии – это его личное дело. Только в этом случае оправдано появление новой особи"¹.

В такой трактовке отдельный человек не выступает в качестве исходного элемента общества каким действительно является. Более того, как атомизированная и совершенно автономная единица индивид даже не нуждается в социализации, ибо любое требование соответствовать нормам человеческого общежития якобы отменяют свободу и разрушают индивидуальность каждого. Конечно, подобная точка зрения малопримемлема. Может случиться, что цивилизация, основанная на крайнем индивидуализме, не выдержит конкуренцию с другими цивилизациями. То, что было до определенной стадии движущим фактором (разумный индивидуализм), может превратиться, в случае несоблюдения меры, в свою противоположность и стать причиной упадка. Преуспевание на пути дезинтеграции социального агрегата чревато пагубными последствиями для воспроизводства и становления самого человека. Следует ещё раз отметить неправомерность противопоставления общественного и индивидуального. Спорным представляется и высказывание Ж.П. Сартра, что одиночество и отчуждение являются якобы высочайшими ценностями человеческой жизни.

Нам же представляются более адекватным реальному положению вещей другие высказывания, в частности о том, что индивиды «... как физически, так и духовно творят друг друга»², что вполне нормально «... ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является другой человек»³, что только определенные, ненормальные условия ставят всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает другого человека не как осуществление свободы, а, наоборот, как её предел»⁴. Эту линию можно продолжить и ссылкой на Антуана де Сент-Экзюпери: «Есть только одна подлинная ценность – это связь человека с человеком... Мы только тогда свободно дышим, когда связаны с нашими братьями общей целью, лежащей вне нас». Сошлемся и на Эрика Фромма, подчеркивающего, что человек одинок, чувствует себя изолированным существом, но в то же время не может переносить одиночество, его счастье зависит от солидарности с другими лицами, от чувства сопричастности прошлым и будущим поколениям.⁵ В начале 90-х годов прошлого века кардинал Поль Пупар, председатель Ватиканского Совета по диалогу

¹ Диалог. 1991, №14. С.97.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.3. С. 36.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. -М., 1956. С.596.

⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.1, С. 401.

⁵ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Минск, 2000. С.57.

с неверующими отмечал: «С нашей точки зрения, каждая личность выступает в двух измерениях: и как индивид, и как член общины».¹

Хотя свобода человека исторически прогрессировала и выражалась, в частности, в существенном ослаблении его зависимости от определенной среды и социальной группы, все же индивид всегда будет действовать в конкретных условиях, к которым будет приспосабливаться, или попытаться их изменить к лучшему. При этом степень свободы выбирать и действовать зависит не только от объективных условий, но и от личных качеств, от субъективных данных каждого. В практически равных условиях разные люди ведут и реализуют себя по-разному.

Отчуждение, маргинализация и исключение представляют отрицательные явления, обусловленные обстоятельствами, которых индивиды несвободно выбирают, а унаследуют от предшественников, или навязаны им более инициативными, решительными, а порой и более безрассудными социальными агентами, политическими силами. Столкнувшись с неблагоприятными условиями, человек зачастую не может реализовать себя в соответствии со своими желаниями и способностями. Какой бы сильный акцент ни ставили на личностный фактор, не все от него зависит, не всегда в нем следует искать первопричину всего и вся, как нельзя и общество винить во всем. По известным причинам реформы на большей части постсоветского пространства привели к результатам, совершенно противоположным ожидаемым. Вместо преодоления всеохватывающего коллективизма ударились в другую крайность – чрезмерный эгоизм и разобщенность. На эту метаморфозу обращают внимание многие честные люди, в том числе и в западных странах. В 2002 году премьер-министр Болгарии (некогда царь Борис) в интервью российскому каналу НТВ отметил, что в бывших коммунистических странах слишком круто сменили вектор к частной собственности, присвоению и обогащению. Поддерживая индивида, не надо разрушать общество. Наблюдая за ситуацией в этих странах, известный реформатор немецкого общества Людвиг Эрхард констатировал, что здесь существует опасность скольжения к непомерному индивидуализму, неправильно понятой свободе, не имеющей никаких нравственных границ, а потому переходящей в хаос и вседозволенность.

Из создавшейся ситуации только очень ограниченное число лиц смогло извлечь для себя выгоду, присвоив огромные богатства за бесценок, обеспечив своей собственности полную защиту. Большая же часть людей несет на своих плечах тяжелый груз пагубных последствий беспредела и вседозволенности, царивших в первом десятилетии реформирования. Противопоставление человека и общества, углубление соци-

¹ Диалог. 1991, №15. С29.

альной дифференциации, распространение коррупции, усиление конфликтогенных ситуаций и их диверсификация – все это разрушило устои человеческой солидарности, способствовало росту преступности (в том числе в организованных её формах), значительно ослабла защищенность индивида. К тому же для большей части населения существенная ограниченность доходов выступает основным фактором ограничения индивидуальной свободы. Провозглашение политических прав и свобод есть лишь исходная предпосылка для создания более справедливого общества и для свободного самоутверждения личности. Не менее важно и практическое соблюдение этих прав и свобод. При всей своей важности, они не представляют собой даже ту пресловутую «удочку», которую, согласно известной социально-философской доктрине, нужно вручить человеку, чтобы он сам добывал для себя средства к жизни. Если ограничиваться только политическими правами и свободами, или ставить их во углу угла, то вряд ли «свободные» индивиды смогут стать также и обеспеченными людьми. Если действительно нет примата какой-либо сферы общества над остальными (как об этом говорят некоторые видные ученые) то и примата тех или иных прав и свобод над другими вроде тоже не может быть. Тем не менее либерализм довольно активно выдвигает на передний план именно политические права и свободы. И это, очевидно, потому, что подобная практика требует меньше затрат. Свидетельством тому является ухудшение материального положения громадных масс населения на постсоветском пространстве вопреки либерализации политической жизни, да и экономической тоже. Объективно оценивая реальную действительность, невозможно не признать, что рядовой человек, получив в результате либеральных реформ пресловутые политические права и свободы, стал заложником весьма трудных социально-экономических условий и к тому же оказался малозащищенным, в том числе от произвола предпринимателей и чиновников.

Как отмечает Вацлав Гавел в предисловии к одному коллективному труду, «...нищета и неопределенность ведут к деградации личности и уничтожают личную свободу»¹.

Нынешний мировой кризис, подведший черту под некоторыми либеральными ценностями, также довел миллионы людей до состояния, разрушающего их личность и сводящего их свободу и реальную защищенность к нулю.

Однако вернемся к вопросу о социализации личности, который непосредственно зависит от того, как нами понимается связь человека с

¹ Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе (Под. ред. Николаса Барра. – Москва, ИКЦ «ДИС», 1997. С.13.

обществом. Те концептуальные подходы, которые отталкиваются от безусловной первичности социального целого по отношению к индивиду, приводят на практике к умалению возможностей каждого отдельного человека влиять на общество. Такие подходы расширяют сверх нормы границы социализации и в силу этого оставляют мало место для проявления индивидуальности человека. И наоборот: концептуальные подходы, исходящие из безусловной первичности индивида по отношению к обществу, безмерно преувеличивают значимость первого, зачастую отрицая существование второго как данность, а тем самым и необходимость социализации. Следовательно, требуются такие исходные исследовательские установки и практические решения, которые, с одной стороны, противостояли бы узкому социологизму, вульгарному социальному детерминизму, способному разрушить личность, а с другой стороны, преодолевали идеи и практику патологического индивидуализма, способного разрушить общество.

Рассмотрим далее, как соотносится защищенность, безопасность человека с его свободой и социализацией. Проблема свободы действий не может быть эффективно изучена не только в отрыве от социализации, но и от безопасности человека. Без обеспечения безопасности индивида его свобода мало что стоит. Безопасность в нынешнем мире становится такой же высокой ценностью как и свобода выбора. Нет реальной свободы личности без обеспечения её безопасности.

Отметим, что и в соотношении этих ценностей мы сталкиваемся с противопоставлениями по принципу дихотомического деления: или свобода – или безопасность, защищенность, третьего не дано. Свобода индивида и его защищенность зачастую считаются полярными, взаимоисключающимися явлениями. Ещё во времена великой депрессии 30-х годов в США некоторые политики предлагали отменить свободу и обеспечить таким образом безопасность. Отвергая ограниченность понимания данной проблемы, Франклин Рузвельт справедливо отметил: «Те, кто отказываются от свободы ради временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности». В такой же степени можно ныне дистанцироваться и от тех, кто в своих устремлениях придать свободе первостепенное, приоритетное значение переходят её разумные границы, умаляя значимость других социальных ценностей, в том числе защищенности, безопасности человека. А между тем, в условиях всевозрастающих явных и скрытых угроз, проблема безопасности людей становится весьма актуальной и чрезвычайно сложной для практического решения. Трудно себе представить как будет выглядеть свобода людей после изобретения (что уже свершилось) и возможного распространения (против которого нет ни какой гарантии) аппаратов по выявлению мыслей человека.

Вполне понятно, что концепции, склоняющиеся исключительно к свободе являются либеральными по своей природе, а те, которые отстаивают главным образом безопасность вписываются в общий контекст так называемых холистских воззрений. Относящиеся к противоположным идеологическим системам (крайне правого и крайне левого толка), эти концепции создают искаженное представление о соотношении свободы и безопасности, т.е. рассматривают данные ценности как взаимоисключающиеся.

Обеспечивать нормальную корреляцию между свободой и безопасностью граждан призвано государство. Однако это не всеми признается ныне как безусловная истина. Если родоначальники либерализма справедливо рассматривали государство (появившегося якобы в результате общественного договора) как институт, защищающий жизнь, свободу и собственность индивида, а также обеспечивающий его безопасность, то со временем у других поколений либералов взгляд на эту проблему существенно изменился. Появились концепции, согласно которым государство в своем стремлении обеспечить безопасность индивидов неминуемо ограничивает их свободу. Трактую государство как необходимое зло, последующие либеральные течения отстаивали идеи минимизации роли государства вплоть до полного возложения на каждого человека ответственности за свою безопасность. Если даже неоклассические либералы, включая Роберта Нозика, говорили, что правительству следовало бы нас защищать, а в остальном должно оставить в покое, чтобы мы конкурировали на свободном рынке¹, то представители анархистского либерализма (либертарианцы) идут еще дальше, считая государство не только основной угрозой для личной свободы каждого, но и как совершенно ненужный институт². Ратуя за устранение государственного правления, либертарианцы усматривают в частных услугах более действенный способ решения любых проблем, в том числе касающихся безопасности. Вообще для либерализма опасение как бы государство не превысило свои prerogatives было и остается более сильным, нежели забота о том, чтобы свобода не превысила свои пределы и не стала деструктивной силой.

Отрицательное отношение и даже неприязнь к государству, с его функцией управления обществом как целым, проистекает из ряда источников: из психологии и морали (ставшие традиционными) тех, кто несколько столетий назад уехали из Европы за океан с намерениями беспрепятственного обогащения, причем любыми путями и вне всяких правовых норм; из стремления к наживе нынешних экономических агентов,

¹ См.: Ball T., Dagger R. Ideologii politice și idealul democratic.- Iași, Polirom, 2000.P.89.

² Ibidem.

настроенных на индивидуальный успех и против всего, что может воспрепятствовать его достижению. Чем уже правовая база, регулирующая отношения в обществе, тем шире возможности для безответственных действий социальных субъектов, особенно обладающих сильной экономической властью.

В период между своими премьерскими мандатами Сильвио Берлускони подчеркивал, что его единомышленники хотят быть свободными и на рынке, и в жизни. И если в преследовании личных интересов произойдет нарушение интересов других участников соревнования, то это не должно стать поводом для интервенции государства; все должно уладиться само собой, отметил он. Сохраняется, а порой даже усиливается тенденция к распространению принципа «laissez – faire» не только на экономическую сферу, но и на всю общественную жизнь, в том числе и на сферу безопасности. Примером в этом смысле служит содержание множества фильмов западных киностудий, в которых вовлеченные в конфликты герои защищаются, мстят, добиваются справедливости своими собственными силами и средствами.

Конечно, в большей мере каждый должен заботиться о собственной безопасности, которую может обеспечить доступными методами на рабочем месте, на улице, по месту жительства. Однако есть много важных для человека сторон жизни, безопасность которых невозможно обеспечить в индивидуальном порядке и только имеющимися у каждого в наличии средствами. Общественный порядок невозможно поддержать только свободной продажей оружия в личное пользование. Безопасность человека в широком смысле слова включает его защиту от всяких посягательств на его жизнь, собственность, права и свободы, физическое и психическое здоровье и др., что может быть реально обеспечено главным образом определенными государственными органами, действующими на основе правовых норм.

Следует отметить, что ныне нормативная база юридической защиты человека шире и основательнее чем когда-либо, но тем не менее навряд ли можно сказать, что реальная безопасность человека находится на таком же уровне. Законы, провозглашающие права человека, постоянно нарушаются. Усилия лиц, пострадавших от криминальных элементов, работодателей, госчиновников, предпринимателей, не всегда увенчаются успехом, особенно из-за коррумпированности следственно-судебной системы.

Есть много обстоятельств, делающих ситуацию в области безопасности человека более сложной, чем во все прошлые времена. Помимо общих для современного мира угроз и рисков, страны, находящиеся в процессе реформирования, вынуждены мобилизовать дополнительные

внутренние ресурсы для обеспечения безопасности своих граждан. По большей части стихийные, юридически нерегламентированные процессы либерализации экономической и общественно-политической жизни этих стран привели к беспрецедентному обострению криминогенной обстановки, многократному возрастанию числа чрезвычайных ситуаций, техногенных катастроф, в результате которых гибнут и калечатся люди.

Было бы серьезной ошибкой полагать, что ослабление безопасности людей связано с возрастанием степеней их индивидуальной свободы. Безопасности индивида угрожает неправильно понятая свобода, хаос, беспредел, чиновничья разнузданность, а также жадность и стяжательство определенных лиц, – весь комплекс факторов и условий, способствующих деградации человека. Не я первый говорю, что отсутствие социального порядка, хаос ведут к раскрепощению толпы и к порабощению личности, приравнивают к нулю её безопасность. В этом контексте логически вписывается высказывание Н. Бердяева о том, что неограниченная власть всех страшнее тиранической власти одного.¹

Некогда советский социолог, затем профессор Мичиганского университета В.Э. Шляпентох подчеркивает, что в СССР после 1953 г. и до 1985 г. репрессивный аппарат, хотя и продолжал держать в страхе большинство населения, непосредственно преследовал только небольшое число настоящих диссидентов. В то же время средний советский гражданин чувствовал себя в относительно большей безопасности от преступников, чем теперь. И в продолжение он пишет, что ностальгия по порядку является одним из самых сильных чувств в современной России. Сейчас централизованный страх в стране заменен «децентрализованным страхом», исходящим из многочисленных источников, создающим прямые угрозы жизни и собственности гораздо большему числу людей, чем в послесталинской России². Число жертв, принесенных на алтарь рыночной экономики и борьбы за власть, за сферы влияния является внушительным. Пользуясь слабостью государственных институтов, отсутствием действенных структур гражданского общества, множество финансовых махинаторов, шарлатанов от медицины, политики, науки, искусства, религии и т.д. безжалостно обирают людей, уродуют их сознание, калечат души, используя при этом самые изощренные способы и средства, в том числе печатные и электронные каналы массовой информации. Возросшее насилие и обесценивание человеческой жизни – это не только результат определенных социально-экономических условий, недостатков в управлении,

¹ См.: Бердяев Н. Философия неравенства. – М., ИМА – Пресс. 1990, С.168.

² См.: Шляпентох В.Э. Советский Союз – нормальное тоталитарное общество. Опыт объективного анализа. // Социологические исследования. 2000, №2, С.118.

но и многих отрицательных явлений, имеющих место в духовной сфере. Слишком много уродливого, разрушительного привносится в жизнь с экранов телевизоров и практически невозможно защитить детей, подростков от пагубного воздействия суррогатов «массовой культуры», обрушившихся на большинство союзных республик ещё до развала бывшей страны.

Конечно, нельзя недооценивать значение демократических завоеваний в политической сфере. К тому же население мало использует эти результаты глубокого реформирования политической системы. В этой ситуации население почти не разделяет страхов, связанных с проблемами отступления власти от демократических норм. В его оценках на первый план ставится страх перед бедностью, за будущее детей, перед безработицей и другими социальными явлениями, которые либеральная политика отодвигает на последнее место в шкале приоритетов. И в отношении к проблеме безопасности индивида либералы, как отметил известный немецкий политолог Ральф Дарендорф, кажутся немножко устаревшими. Возрастающее обострение проблем безопасности человека требует большей осмотрительности, дабы не пришлось выбирать между казарменным режимом с сильно ограниченной свободой, но с обеспеченной защищенностью индивида, с одной стороны, и свободой постоянно подвергаться опасностям без необходимой защищенности, с другой стороны. Прав и другой немецкий исследователь, У. Бек, в том, что индивидуализация подрывает способность социума противостоять опасностям, генерируемым его собственным развитием¹.

Обществу, помеченному чрезмерным индивидуализмом своих членов, труднее приходится противостоять различным внутренним и внешним угрозам, в том числе природным катаклизмам.

Можно полагать, что значимость свободы и безопасности во многом зависит от характера исторического времени и от социальной дифференциации общества. В стабильные, благополучные и спокойные периоды свобода является более желаемой ценностью, а в смутные, неустойчивые и напряженные периоды безопасность становится приоритетной ценностью. Высказывание Томаса Гоббса, что люди ищут не счастья, не свободы, не справедливости, а в первую очередь безопасности, которую ставят превыше всего, несомненно носит печать тревожного времени, в котором он жил. Во всяком случае безопасность ныне выступает не менее важным измерением бытия, чем свобода. Утверждение демократических норм необходимым образом должно сопровождаться внедрением комплексной системы мер, обеспечивающих в равной мере как свободу,

¹ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М., 2000. С. 25.

так и безопасность людей. Свобода и безопасность, рассмотренные через призму социальной дифференциации, распределяются по-разному, т.е. приобретают у различных социальных групп различную значимость. Имушие слои общества стремятся больше к свободе, а малоимущие – к безопасности.

Возможно, только средний класс, в силу своего объективного положения в системе общественных отношений, может стать социальной основой баланса этих двух ценностей как важнейшего условия укрепления социального порядка и повышения качества жизни во всем обществе. Мы исходим из того, что забота государства о безопасности человека не ущемляет его свободу, а усиливает её. И наоборот, заброшенность индивида на произвол судьбы ограничивает его свободу и безопасность.

Из всего изложенного можем заключить, что только искаженное толкование сути свободы, социализации и безопасности личности делает эти понятия (явления) несовместимыми, а правильная их трактовка, исключая в том числе односторонние подходы, позволяет выявить взаимосвязь и взаимообусловленность элементов данной триады. В теоретическом аспекте тема соотношения свободы, социализации и безопасности вписывается в ареал как политологических, так и социально-философских исследований. Что касается практического решения анализируемой проблемы, то это является, прежде всего, функцией государства. В свое время Дж. Вашингтон подчеркивал, что свобода может быть обеспечена только при наличии сильного государства. Для стран, находящихся в процессе модернизации, это условие является ещё более необходимым.

Изложенные выше соображения – лишь краткое введение в актуальную проблематику, которая, несомненно, требует более обстоятельного анализа на основе комплексного подхода и сопоставления теоретических установок, относящихся к различным социально-политическим и философским доктринам.
